
Зарубежная литература

УДК 821.131.1

DOI: 10.31249/lit/2025.04.11

АРЕФЬЕВ Д.А.¹ «OGGI LA PATRIA CARA GLI ANTICHI ESEMPLI A RINNOVAR PREPARA»: КОЛЛИЗИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НАРОДА И ТИРАНИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Дж. ЛЕОПАРДИ В СВЕТЕ РАССУЖДЕНИЙ ИЗ «ДНЕВНИКА РАЗМЫШЛЕНИЙ»[©]

Аннотация. В статье на материале ранних произведений крупнейшего итальянского лирика первой половины XIX в. Джакомо Леопарди совершается попытка выявления особенностей взаимоотношений итальянского народа и тиранической власти. В 1815 г. Леопарди написал небольшой текст под названием «К итальянцам: Речь по случаю освобождения Пичено», в котором мы встречаемся с категорическим неприятием тирании, определением истинных желаний итальянского населения и призывом к освободительной войне, которое будет развито и в поэтических текстах. В двух стихотворениях 1818 г. «К Италии» и «К памятнику Данте, воздвигнутому во Флоренции» конфликт итальянского населения с тираном обретает философское осмысление, которое представлено в «Дневнике размышлений». Как в прозаическом произведении, так и в стихотворных утверждается противопоставление людей древности и современности, которое разрешается Леопарди не в пользу последней. При соположении «Речи по случаю освобождения Пичено» со стихами выясняется, что человеческая природа со времен древности изменилась и, несмотря на античные героические примеры, борьба с тиранией в современном мире оказывается безрезультатной.

¹ **Арефьев Дмитрий Андреевич** – аспирант, младший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ведущий библиотекарь Центра междисциплинарных исследований Библиотеки иностранной литературы; ORCID: 0000-0002-1346-2939; dima-aref@mail.ru

[©] Арефьев Д.А., 2025

Ключевые слова: Дж. Леопарди; «Песни»; «Дневник размышлений»; народ; тирания; Италия.

Для цитирования: Арефьев Д.А. «*Oggi la patria cara gli antichi esempi a rinnovar prepara*»: коллизия взаимоотношений народа и тиранической власти в раннем творчестве Дж. Леопарди в свете рассуждений из «Дневника размышлений» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2025. – № 4. – С. 172–193. – DOI: 10.31249/lit/2025.04.11

Поступила: 30.06.2025

Принята к печати: 31.07.2025

AREFEV D.A.¹ “*Oggi la patria cara gli antichi esempi a rinnovar prepara*”: The collision of the relationship between the people and tyrannical power in Leopardi’s early work in light of reflections from the *Zibaldone di pensieri*[©]

Abstract. This article examines the distinctive features of the relationship between the Italian populace and tyrannical power as depicted in the early works of Giacomo Leopardi, the preeminent Italian lyric poet of the first half of the nineteenth century. Leopardi’s 1815 text, *Agl’Italiani: Orazione in occasione della liberazione del Piceno*, manifests a categorical rejection of tyranny, defines the authentic aspirations of the Italian people, and issues a call to liberation struggle – a theme subsequently elaborated in his poetic oeuvre. In the 1818 poems *All’Italia* and *Sopra il monumento di Dante che si preparava in Firenze*, the conflict between the populace and the tyrant acquires a philosophical framework, articulated more fully in Leopardi’s *Zibaldone di pensieri*. Both the prose work and the poetic texts interrogate the conduct of ancient versus modern humanity, a dichotomy Leopardi consistently resolves to the detriment of the latter. A comparative analysis of the *Orazione in occasione della liberazione del Piceno* and the later poems reveals a perceived deterioration in human nature since ancient times; consequently, despite heroic exemplars from the past, the struggle against tyranny in the modern world is ultimately rendered futile.

Keywords: G. Leopardi; *Canti*; *Zibaldone*; nation; tyranny; Italy.

¹ **Arefev Dmitry Andreevich** – PhD student, Junior Researcher of the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Leading Librarian of the Interdisciplinary Research Center of the M.I. Rudomino All-Russia State Library for Foreign Literature; ORCID: 0000-0002-1346-2939; dima-aref@mail.ru

© Arefev D.A., 2025

To cite this article: Arefev, Dmitry A. ““Oggi la patria cara gli antichi esempi a rinnovar prepara”: the collision of the relationship between the people and tyrannical power in Leopardi’s early work in light of reflections from the *Zibaldone di pensieri*”, *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies*, no. 4, 2025, pp. 172–193. DOI: 10.31249/lit/2025.04.11 (In Russian)

Received: 30.06.2025

Accepted: 31.07.2025

Период конца XVIII – начала XIX в. был ознаменован двумя ключевыми событиями в истории Европы – Великой французской революцией 1789 г. и приходом в 1799 г. к власти Наполеона Бонапарта, в 1804 г. объявившего себя императором Франции и продержавшегося на престоле до 1814–1815 гг. Потрясения, вызванные бурным переустройством Европейского континента на рубеже столетий, горячо и повсеместно обсуждались в интеллектуальных кругах и отразились во многих национальных литературах того времени¹. В условиях, с одной стороны, политических переворотов и распространения либеральных ценностей, с другой – единоличного и авторитарного правления Наполеона, включившего с 1796 г. Италию в сферу государственных интересов Франции и приступившего к завоеванию ее разобщенных между собой областей, итальянская литература пополнилась произведениями патриотического и национально-освободительного характера и произошли «знаменательные сдвиги в умонастроениях итальянцев» [История литературы Италии, 2016, с. 6], во второй половине XIX в. (в эпоху Рисорджименто) приведшие к долгожданной независимости и объединению Италии под предводительством Дж. Гарибальди.

Предметом размышлений и художественной рефлексии стал феномен тирании и борьбы с ней – тема во многих отношениях традиционная для итальянской словесности. В литературе же затрагиваемой нами эпохи прямо или косвенно отобразились реалии наполеоновского правления, которые в творчестве крупнейшего итальянского лирика XIX столетия Джакомо Леопарди также не были обойдены стороной, хотя сам он, по справедливому замечанию Н.Б. Томашевского, «по складу характера не был не только политиком, но даже человеком, в жизни которого политические страсти вообще могут играть серьезную роль» [Томашевский, 1981, с. 146].

¹ См.: [The New Cambridge Modern History, 1965, p. 91–117].

Одним из юношеских текстов 1810-х годов, посвященных этой теме, было его воззвание к соотечественникам «К итальянцам: Речь по случаю освобождения Пичено» (*Agli Italiani: Orazione in occasione della liberazione del Piceno*), сочиненное по горячим следам исторических событий. Речь, составленная, как указывает С. Тимпанаро, «юношей в мае-июне 1815 года, после поражения Мюрата при Толентино и перед Ватерлоо», представляет собой «резко антифранцузское и “антитираническое” произведение» [Timpanaro, 2011, p. 318]. В этом произведении, направленном против французской власти, выражается раннее впечатление Леопарди от военно-политических событий весны – лета 1815 г., когда Наполеон, вновь вернувшийся в конце марта к власти (Сто дней Наполеона), был поддержан своим итальянским ставленником И. Мюратом, двинувшимся в поход против антифранцузской коалиции из Неаполитанского королевства, которое находилось под его контролем, на север и попытавшимся призвать итальянцев присоединиться к нему¹. Именно этим призывом и возмущен автор, именно он стал поводом к сочинению «Речи по случаю освобождения Пичено».

В данном тексте нас интересует несколько моментов: во-первых, характерные черты тиранической власти, описанной в речи, ее репрезентация в пространстве небольшого текста; во-вторых, образ народа, нации, репрезентация итальянского населения в период зависимости от французского государства, возглавляемого Наполеоном; в-третьих, особенности воплощения в конкретном тексте взаимодействия между тиранией и народом.

Следует сказать, что сам текст Леопарди стилизует под речь древнеримского оратора, о чем незамедлительно сообщает в предисловии: «Древние имели обыкновение давать отчизне советы или поздравлять ее с каким-либо успехом с трибун или роще посредством публичных выступлений. Они оставили нам свои великолепные речи, которые переносят читателя во времена, когда они были произнесены, и помещают его в самую сердцевину выступления, в гущу рукоплесканий восторженного населения, опьянённого чувством славы. Я хотел подражать им, обратившись с речью к своим соотечественникам и вообразив, что разговариваю с ними. Итальянцы не найдут во мне ни Демосфена, ни Марка Туллия; но я надеюсь найти в итальянцах афинян и истинных наследников рим-

¹ Более детально исторический фон раскрывается в: [Ieva, 2002].

лян» [Leopardi, 1949, p. 1070]¹. Из этой вступительной реплики мы понимаем, что имеем дело с конкретным историческим моментом, в котором, как предполагал бы поэт, речь должна произноситься.

Взаимоотношения итальянского народа с тиранической властью французов изначально представляются губительными, поскольку тирания нацелена на достижение блага для самой себя, а не для людей, которые ею даже не учитываются. Система управления населением при власти Наполеона была выстроена, по мнению рассказчика, таким образом, что народ оказался на грани выживания. «Налоги, – пишет он, – истощали способности граждан и подводили бедных к физической невозможности существования» [Leopardi, 1949, p. 1071]². Эта система зовется им не иначе как «варварской» (*barbaro*), равно как и ставленник Наполеона И. Мюрат удостоивается оценки «варвара-душегуба» (*barbaro carnefice*). Леопарди не уточняет, что именно он имеет в виду, когда называет варварским метод руководства и самого правителя варваром, и мы склонны считать это лишь явно негативно окрашенным словом, которое бросает рассказчик. Однако характеристика, данная режиму, позволяет предположить, что прилагательное «варварский» применяется по отношению к властителю если еще не последовательно, то, по крайней мере, очень выразительно в контексте последующих рассуждений, заполнивших страницы «Дневника размышлений» (*Zibaldone di pensieri*).

Так, положение вещей, при котором люди, живущие в определенной историческую эпоху, предаются «лукавому мудрствованию», регламентируют общественное устройство до такой степени, что отношения людей, религиозные обряды, нравственные нормы, правила поведения становятся крайне упорядоченными, даже незыблемыми, и чрезмерно задействуют свои умственные способности, Леопарди классифицирует как варварство (*barbarie*). Разум

¹ “Gli antichi soleano dare alla loro patria dei consigli, o felicitarla di qualche successo, dalle tribune o dai rostri col mezzo di arringhe. Essi ci hanno lasciate le loro magnifiche orazioni, che trasportano il lettore nei tempi nei quali furono pronunciate, e lo collocano in mezzo alla udiienza romorosa dell’oratore, tra il plauso e l’entusiasmo di un popolo ebbro di sentimenti di gloria. Volli imitarli, indirizzando ai miei compatrioti un’orazione e immaginandomi di parlar loro. Gl’italiani non troveranno in me nè un Demostene nè un Marco Tullio; ma io spero di trovare negl’italiani degli ateniesi e dei veri successori dei romani”. Здесь и далее, если не оговорено иное, все переводы из «Речи по случаю освобождения Пичено» осуществлены нами.

² “Le imposte esaurivano le facultà dei cittadini, e riducevano i poveri alla fisica impossibilità di esistere”.

«является источником варварства», больше того, «варварство само по себе – это всегда избыток разума» [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 311]¹. Предвестием подобных мыслей может служить следующая фраза из юношеской речи: «Тот, кто осмеливался нарушить ее [систему, выстроенную тиранической властью] в каком-либо пункте, немедленно принуждался к точному соблюдению ее во всем объеме» [Leopardi, 1949, p. 1071]². По словам Ч. Лупорини, деспотия (dispotismo) вообще в сознании Леопарди «тождественна варварству» [Luporini, 1996, p. 20].

Тиран добивается подчинения при помощи коварного обмана – обещаний, которые вызывают наибольший отклик у людей и будут якобы исполняться в их интересах. Тираническая власть пыталась посулами свободы и независимости Италии ввести в заблуждение ее народ, который больше не доверял заведомо ложным заявлениям. Итальянцы устами рассказчика требуют честности от тирана: «Ты можешь сделать нас рабами, но не заставляй нас верить, что мы свободны» [Leopardi, 1949, p. 1075]³. «Напрасно, – пишет Леопарди, – хотели заставить нас поверить, что Италия, став свободной, сможет сама собой распоряжаться; напрасно пытались убедить нас, что, обретя независимость от зарубежных господ, мы будем в равной степени независимы и в выборе главы государства» [Leopardi, 1949, p. 1075]⁴.

У итальянцев, по мнению Леопарди, были «ласковые и любезные государи, которые ставили счастье своих подданных выше собственного честолюбия или, скорее, у них не было иного честолюбия, кроме как [направленного на] достижение счастья населения» [Leopardi, 1949, p. 1076]⁵, поэтому приветствовать возвращение тирана не стал бы никто, равно как и выполнять его волю. Тираническая форма правления строится на осознанном лицемерии

¹ “...è fonte di barbarie (anzi barbarie da se stessa), l'eccesso della ragione sempre”. Здесь и далее, если не оговорено иное, все цитаты из «Дневника размышлений» приводятся в нашем переводе.

² “Chi osò violarlo in qualche punto fu tosto richiamato alla esatta osservanza di esso in tutta la sua estensione”.

³ “Tu puoi renderci schiavi, ma non farci credere di esser liberi”.

⁴ “...invano ci si volle far credere che l'Italia, dopo essersi liberata, avrebbe potuto disporre di se stessa; invano si cercò di persuaderci che, resi indipendenti dall'estero, noi lo saremmo egualmente nella elezione del capo”.

⁵ “...dei sovrani affettuosi ed amabili, che anteponevano la felicità dei loro sudditi alla propria ambizione, o, piuttosto, che non aveano altra ambizione che quella di formare la felicità dei popoli”.

рии и ради достижения своих целей не гнушается утилитарным отношением к людям, над которыми властвует, в конечном итоге принося им исключительно зло и несчастья.

Вполне ожидаемо, что в качестве свойства, определяющего поведение тирана, указывается его иностранное происхождение. В тексте встречаются эмоциональные восклицания по этому поводу, вроде «чужестранец» (*straniero*), «безумный чужестранец» (*folle straniero*) и др. Итальянский народ, «разделенный на протяжении многих веков интересами и целями, внезапно разорвавший старинные узы, которые связывали его с законными правителями, отказавшийся от всех обязательств и пренебрегший всеми личными взглядами», как представляется Леопарди, не «объединится под знаменами *чужестранца* для защиты дела, преимуществ которого не знал, для завоевания счастья, совершенно нового для него, и для поддержки государя, руководства которого он не изведal на опыте и который сделал всё, чтобы к нему относились как к врагу» (курсив наш. – Д. А.) [Leopardi, 1949, p. 1074]¹.

Больше того, Леопарди задается резонным вопросом: «Можно ли назвать независимым народ, подчиняющийся чуждому стране и ее интересам человеку, который довел эгоизм до последней степени на троне?» [Leopardi, 1949, p. 1074–1075]². Использование понятия «эгоизм» в данном контексте не только кажется неслучайным, но и является определенной точкой отсчета философских размышлений Леопарди: такая постановка проблемы эгоизма имеет глубокое и далеко идущее значение. В «Дневнике размышлений» мы встречаемся с имеющим явно руссоистское происхождение термином «себялюбие». Ж.-Ж. Руссо в романе «Эмиль, или О воспитании» пользуется двумя терминами – *amour de soi* и *amour-propre*³, – понимая под ними естественную любовь к себе (заботу о собственном сохранении) и её эрзац – самолюбие, обращённое исключительно на себя и употребляющееся во зло другим,

¹ “...divisa da tanti secoli d’interessi e di mire, rotti ad un tratto gli antichi legami di attaccamento che la riunivano ai suoi legittimi principi, rinunziando ad ogni impegno ed abbandonando ogni vista privata, si riunisse sotto le insegne di uno straniero, in difesa di una causa di cui non conosceva i vantaggi, per la conquista di una felicità a lei affatto nuova e per sostegno di un sovrano, di cui non avea sperimentato il governo e che tutto contribuiva a fargli riguardare come nemico?”

² “Può dirsi indipendente una nazione soggetta ad un uomo, straniero di patria e d’interessi, che ha portato all’ultimo grado l’egoismo sul trono?”

³ О различении этих понятий в философии Ж.-Ж. Руссо см.: [Neuhouser, 2013].

соответственно. У Leopardi эти понятия преобразуются в разграничение себялюбия (*amore proprio*) и эгоизма (*egoismo*). Эти понятия он и отождествляет, поскольку они обозначают одно и то же свойство человека, и разводит. Разделение осуществляется следующим образом: себялюбие (положительный смысл) направлено на «выгоды», которые «проистекают из героизма, жертвенности, добродетели, чести, дружбы и т. д.» [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 485]¹, а эгоизм (отрицательный смысл) – на «собственные реальные выгоды» (оба перевода наши. – Д. А.) [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 485]², приобретённые дурным (*male*) путем. Разница состоит в том, что себялюбие стремится добиться любви к себе от других и ради других, а «эгоизм – это когда человек направляет себялюбие на то, чтобы думать только о самом себе» [Leopardi, 1957, vol. 2, p. 369]³. Эгоизм стал присущ тирану в процессе формирования его личности в определенной культурной среде, ведь «его самые ранние годы, его образование принадлежат Франции», а «именно благодаря образованию человек формируется и учится замышлять те планы, которые он впоследствии должен осуществить» [Leopardi, 1949, p. 1080]⁴. Поведение тирана, как видим, было продиктовано, помимо прочего, ценностями того общества, в котором он был воспитан.

В речи, написанной по случаю освобождения Пичено, противоречие во взаимоотношениях итальянского народа и французского тирана состоит и в том, что у них разные устремления, цели, чаяния. Тиран намеревался просто-напросто воспользоваться итальянцами, не считаясь с их чувствами и надеждами, в угоду собственной корысти, «побудить итальянцев к восстанию и призвать их к возобновлению войны» [Leopardi, 1949, p. 1073]⁵, которая якобы должна привести к освобождению Италии, но народ воспротивился давлению со стороны правителя и не стал «слепо отдаваться в руки *чужестранца*, который призывал их сражаться под

¹ “...a quelli che derivano dall’eroismo, dai sacrifici, dalle virtù, dall’onore, dall’amicizia ec.”.

² “...ai propri vantaggi reali...”.

³ “L’egoismo è quando l’uomo ripone il suo amor proprio in non pensare che a se stesso”.

⁴ “I suoi più verdi anni, la sua educazione appartengono alla Francia, ed è colla educazione che l’uomo si forma ed apprende a concepir quei disegni che poscia deve eseguire”.

⁵ “...eccitare gl’italiani alla rivolta e d’invitarli a rinnovare la guerra”.

своими штандартами» (курсив наш. – Д. А.) [Leopardi, 1949, p. 1073]¹. Если и стоит прибегнуть к войне как к средству, всё же итальянцы не готовы превращать ее в образ жизни, который так угоден тирану и составляет принципиальное свойство его эгоистического способа правления. Италия, как пишет автор, не была бы «поэтому счастлива» [Leopardi, 1949, p. 1075]².

Главными потребностями итальянского народа были в тот момент «мир» (pace) и «счастье» (felicità), которое состоит не «в силе оружия», не «в том, чтобы внушать ужас иностранцам», не «в том, чтобы позволить себе начать выгодную войну и упорно продолжать ее» [Leopardi, 1949, p. 1076]³ и т. д., а «в мире, который потребен полезным искусствам, литературе, наукам, в процветании торговли и сельского хозяйства, источников благосостояния народов, в отеческом наставлении любезных и законных Государей (sic)» [Leopardi, 1949, p. 1076]⁴. Война оправдывается в произведении одной-единственной причиной – защитой от наступательных и неправомерных действий агрессора, которым выступает в данном случае Франция. Законной и целесообразной будет считаться война, которая «ведется лишь для того, чтобы обрести мир» [Leopardi, 1949, p. 1076]⁵ и избавиться от власти узурпатора, то есть – освободительная или оборонительная.

Позиция отказа от любых войн, кроме вышеупомянутых, по мнению Леопарди, была выработана итальянцами на протяжении долгой и непростой истории, включающей в себя период Античности. Политика, проводимая французским тираном, напоминает ему события «итальянской» древности. Итальянский народ не готов больше насильно принуждать к повиновению других, так как его величие и благополучие не должно строиться на том, чтобы «делать других несчастными» [Leopardi, 1949, p. 1077]⁶. Гегемония Франции сравнивается с мировой гегемонией Древнего Рима, яв-

¹ “...cielicamente abbandonarsi nelle mani di uno straniero che invitavalo a militare sotto i suoi stendardi...”.

² “...percio felice...”.

³ “...nella forza delle armi, nell’esser terribile allo straniero, nel poter con vantaggio cominciare una guerra e continuarla senza cedere...”.

⁴ “...nella pace necessaria alle arti utili, alle lettere, alle scienze, nella prosperità del commercio e dell’agricoltura, fonti della ricchezza delle nazioni, nell’amministrazione paterna di Sovrani amati e legittimi...”.

⁵ “Non si fa la guerra che per ottenere la pace...”.

⁶ “...in fare degli infelici”.

ляющейся пройденным этапом для итальянцев, которые «тоже носили имя тиранов» и «тоже запятнаны кровью»¹, поэтому Леопарди позволяет себе в патерналистском тоне высказываться в адрес французов, не видящих в тирании ничего дурного и даже поддерживающих её. Французы не способны «отказаться от амбиций быть хозяевами мира» [Leopardi, 1949, p. 1079]² и признать вину в своих преступлениях, в отличие от итальянцев, которые «были когда-то могущественнее» первых, но «не стыдятся признаться», что «были тиранами» и почитают свой народ, «признавая его несправедливости» [Leopardi, 1949, p. 1079]³.

Весь пафос анализируемой нами речи сводится к тому, что устремления народа и тиранической власти кардинальным образом расходятся в вопросах войны и мира и принципах взаимодействия как во внутренних делах страны, так и во внешних. Если тиран, притворяясь освободителем (*preteso liberatore*), заключает народ в рабскую зависимость от своей политической системы и заставляет вести истощающую силы народа войну, пытаясь убедить итальянцев в ее необходимости и правильности, то они, в свою очередь, не разделяют ни его методов правления, ни его алчных замыслов, рассчитывая лишь на мир и общественное благополучие.

Желаемого итальянский народ может достичь, только победив тирана силой, поскольку французы «ослеплены любовью к своей стране» и считают, что «рождены повелевать», будучи «первым народом во вселенной», испытывают гордость за то, что «их армии не терпели поражений» [Leopardi, 1949, p. 1079]⁴. Леопарди расценивает их поведение как случай проявления фанатизма (*fanatismo*), приравниваемого к помешательству (*frenesia*). Горше всего то, что осознать вредоносность тирании и неуместность гегемонии в современном мире французы не в состоянии – оттого-то каждый из них теперь «достоин ненависти» [Leopardi, 1949,

¹ “Ebbimo ancor noi il nome di tiranni, fummo ancor noi tinti di sangue”.

² “...non sanno rinunciare all’ambizione di essere i signori del mondo...”.

³ “Noi fummo un tempo più di loro potenti, ma non esitiamo a confessare che noi fummo dei tiranni. Noi onoriamo la nostra nazione col riconoscerne i torti”.

⁴ “Accecati dall’amore verso la loro patria, essi non sanno confessare che ella ha avuto dei torti. Chiamano grandezza d’animo ciò che è orgoglio sfrenato, sensibilità ciò che è fanatismo. Le loro armate non sono state vinte, esse sono le migliori d’Europa; la Francia è la prima nazione dell’universo, e i francesi, nati per comandare, meritano la venerazione di tutti i saggi”.

р. 1079)¹. Тираническая власть воплощается, таким образом, не только в лице самого тирана, но и в лице французского народа, оправдывающего его действия своим согласием и разделяющего подобный политический курс.

В конце речи всё больше усиливается призыв Леопарди к реальной борьбе против тирании, которую итальянцы пока не начинали, но в которой уже возымели успех объединенные войска Европы, намеревавшиеся сокрушить французское самовластие окончательно. Этот момент ни в коем случае нельзя упустить итальянскому народу, занимавшему доселе выжидательную позицию. Автор ратует за то, чтобы итальянцы покончили с тиранией Наполеона совместно с другими европейскими государствами, приняв участие в начатой военной кампании, не только потому, что нет смысла «радоваться падению тирана и протестовать против тирании после того, как она будет уничтожена» [Leopardi, 1949, p. 1081]², но и потому, что надо продемонстрировать неголословное единство итальянского народа и то, что «тираническим обращением пробуждается спящий дух народов» [Leopardi, 1949, p. 1081]³. Вместе с остальным «христианским миром» Италия должна стереть с лица земли «губительную для рода человеческого гидру тирании» [Leopardi, 1949, p. 1081]⁴.

В стихотворных текстах с не меньшим напором утверждается потребность в пробуждении «спящего духа народов» и выявляются мотивы, продолжающие те, что были нами рассмотрены в «Речи по случаю освобождения Пичено», в которой Леопарди указывает на то, что без освободительной войны Италия застала бы «возвращение Аппия Клавдия без надежды увидеть воскресение Виргиния; Цинну без мстительной армии; Цезаря без Брута» [Leopardi, 1949, p. 1075]⁵. Апелляция к древнему наследию и историческим примерам является характерным элементом леопардианской рефлексии по поводу отношений народа и тиранической власти, с которой мы встречаемся в двух стихотворениях, написанных в 1818 г. [Leopardi, 2018, p. 93, 106], – «К Италии» (*All'Italia*) и «К памятнику Данте,

¹ “Ormai ogni francese è degno di odio”.

² “...rallegrarci della caduta del tiranno e di esclamare contro la tirannia dopo che ella è distrutta...”.

³ “...si risveglia con tirannici trattamenti lo spirito addormentato delle nazioni”.

⁴ “...schiacciata l'idra antica, e ingiuriosa all'uman genere, della tirannia”.

⁵ “Ella avrebbe veduto tomare un Appio Claudio senza speranza di vedere risorgere un Virginio; un Cinna senza un esercito vendicatore; un Cesare senza un Bruto”.

воздвигнутому во Флоренции» (*Sopra il monumento di Dante che si preparava in Firenze*).

В поэзии Леопарди лирического героя постигает разочарование, которое отсутствует в «Речи по случаю освобождения Пичено». Н.Б. Томашевский, безусловно, прав, когда пишет, что «с надеждами, возлагавшимися в Италии и прочих поработанных странах на падение наполеоновской империи, было быстро покончено. Освободительные движения подавлялись объединенными усилиями крупнейшей европейской монархий. Так задушена была испанская революция Риго, неаполитанская революция и ряд других освободительных движений. Подавление этих революций, а вместе и надежд на скорое освобождение от тирании вызвало чрезвычайное разочарование многих» [Томашевский, 1981, с. 146], в том числе Леопарди, но в его случае оно было связано не только с социально-политической ситуацией. Разочарование поэта также носило на себе печать долгих размышлений о судьбах родины и мира во временной ретроспективе. Дело в том, что в «Дневнике размышлений» Леопарди уделяет пристальное внимание развитию человеческой цивилизации и посвящает множество листов сравнению древних и нынешних ее представителей, между которыми находит непреодолимое различие.

Древние следовали своему природному предназначению, пребывали в естественном (*naturale*), первобытном (*primitivo*) состоянии. В этом состоянии человеку присуще пленение иллюзиями, которые «существуют от природы», «включены в систему мира; когда они изъяты или частично изъяты [из миропорядка], человек становится неестественным» [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 32]¹. Под иллюзиями Леопарди понимает «воображаемые сущности» (такие, например, как добродетель, щедрость, верность, справедливость, великодушие) [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 261]², которые в осязаемой форме не существуют, но оказывают самое непосредственное влияние на человека. Под их воздействием он способен совершать великие деяния, за которые его будут почитать и помнить в веках. В этом смысле одной из старейших иллюзий является любовь к родине, которая полностью поглощала существо древних. В «Дневнике размышлений» Леопарди высказывает идею о том, что «тирания

¹ “Le illusioni sono in natura, inerenti al sistema del mondo; tolte via affatto o quasi affatto, l’uomo è snaturato”.

² “...enti immaginari”.

только тогда бывает прочной, когда люди *не способны на великие поступки*» (курсив наш. – Д. А.) [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 248]¹.

Как только человек «вдался в суету изысканий», принялся «поверять алгеброй гармонию» – под воздействием разума, научных открытий, в особенности после появления уже не богословских, религиозно-догматических, а философских, естественнонаучных книг², – иллюзии стали развеиваться, счастье оказалось пустой грёзой, а жизнь – краткосрочным и бессмысленным прозябанием. Такое мировоззрение установилось в силу того, что «в мире не осталось героизма и, наоборот, повсюду распространился эгоизм» [Леопарди, 2000, с. 216]³, «наша природа в корне изменилась по сравнению с тем, какой она была когда-то» [Леопарди, 2000, с. 258]⁴. Преобладающим состоянием духа и взглядом на мир стала скука (noia), приведшая к полной апатии и бездействию в современности. Леопарди заключает, что «мир погубило отсутствие иллюзий» [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 297]⁵, а в качестве исторической отсылки приводит то, что «случилось с римлянами, когда в жизнь их вторглась философия и патриотизм сменился эгоизмом» [Леопарди, 2000, с. 223]⁶, вследствие чего они стали «такими вялыми, такими безучастными, такими черепашными, такими хладнодушными к общественным делам» [Леопарди, 2000, с. 223–224]⁷ и находились в «долговременном рабстве» [Леопарди, 2000, с. 223]⁸ под игом тирана.

¹ “La tirannia non è mai sicura se non quando il popolo non è capace di grandi azioni”.

² Как считает Леопарди, начиная с XVII столетия, философия привела человека к тому состоянию, в котором он до сих пор пребывает.

³ “...l’eroismo è sparito dal mondo e invece v’è entrato l’universale egoismo...” [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 130]. Цитата приводится в переводе Н.А. Ставровской.

⁴ “Noi siamo di tutt’altra natura da quella ch’eravamo” [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 1446]. Цитата приводится в переводе Н.А. Ставровской.

⁵ “Quello che uccideva il mondo era la mancanza delle illusioni”.

⁶ “...cosa avvenne ai Romani, quando s’introdusse fra loro la filosofia e l’egoismo in luogo del patriotismo” [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 178]. Цитата приводится в переводе Н.А. Ставровской.

⁷ “...così torpidi, così indifferenti, così tartarughe, così marmorei verso le cose pubbliche” [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 178]. Цитата приводится в переводе Н.А. Ставровской.

⁸ “...universale e durevole servitù...” [Leopardi, 1957, vol. 1, p. 178]. Цитата приводится в переводе Н.А. Ставровской.

Себялюбие, о котором уже шла речь выше, как определяет В. Бинни, в сознании Леопарди разделяется на две категории, продолжающие упомянутое нами разведение: героизм и эгоизм. Героизм – «это форма, в которой себялюбие воплощается в целостном человеке, щедром, поэтичном, восторженном, активном, близком к природе», а эгоизм – «это порок, жалкое обозначение современного человека, который своим мелочным и расчетливым умом сводит интенсивный и щедрый источник себялюбия к индивидуальной выгоде, к корыстному и непоэтическому конформизму» [Binni, 2014b, p. 62–63]. Оппозиция древнего состояния, в котором человеку был свойствен героизм, и современного, в котором люди превратились в эгоистов, может быть принята в качестве послышки для толкования поэтического творчества Леопарди.

Убедительной иллюстрацией изменившегося состояния человека в целом предстает коллизия взаимоотношений народа и тиранической власти, представленная в его ранней лирике. Раздумья на тему духовно-нравственных трансформаций человеческой природы привели его к выводу о том, что Италия вследствие этих изменений и «в политическом отношении обречена на неминуемую гибель, заслуженную постыдным малодушием и рабскою трусливостью выродившихся ее сынов» [Томашевский, 1981, с. 146].

Несходство поведения древних и современных людей раскрывается в канто «К Италии», произведшем немалый эффект на итальянскую публику [Полухтова, 2003, с. 49]. В нем мы, прежде всего, обнаруживаем определенное отстранение итальянского народа от тягот родины, его полное равнодушие к бедам своей страны, находящейся в рабской зависимости от тиранической власти («Невыносимы муки / От злых цепей, терзающих ей руки» [Леопарди, 1989, с. 21]¹). Лирический герой стихотворения, приняв на себя роль своего рода «певца во стане италийских воинов», пытается поднять дух не внемлющих его возгласам итальянцев. Ни один из них даже не помышляет о том, чтобы обезглавить «гидру тирании». На описанную в «Речи по случаю освобождения Пичено» оборонительную войну решиться никто не может:

¹ “E questo è peggio, / Che di catene ha carche ambe le braccia” [Leopardi, 2018, p. 94].

И кто защитник твой?
Ужель никто?

[Леопарди, 1989, с. 22]¹

Единственным защитником оказывается сам лирический герой, ещё сохраняющий веру в иллюзии, без которых жизнь человека, в сущности, невозможна, и демонстрирующий свое бесстрашие, правда, лишь в качестве риторического приема:

Я кинусь в битву сам,
Я кровь мою, я жизнь мою отдам!
Оружье мне, оружие!
О, если б сделать так судьба могла,
Чтоб кровь моя грудь итальянцев жгла!

[Леопарди, 1989, с. 22]²

Положение итальянцев, оказавшихся в зависимости от тирана, состоит в том, что они отдают свои жизни не за родину, а ради удовлетворения амбиций тирана:

...твой сыны
В чужих краях сражаются

[Леопарди, 1989, с. 22]³.

Если в «Речи по случаю освобождения Пичено» рассказчик был полон воодушевления и уверенности в том, что итальянский народ ни за что не подчинится воле тирана, то в стихотворном тексте итальянцы представлены в образе, хоть и несчастных, но ее исполнителей. Сразу заметно, как интонации из оптимистичных в «Речи по случаю освобождения Пичено» преобразуются в пессимистичные в канто, ведь «за страну чужую / Италии клинки обна-

¹ “Nessun pugna per te? non ti difende / Nessun de’ tuoi?” [Leopardi, 2018, p. 96–97]. Здесь и далее, если не оговорено иное, цитаты из стихотворений даются в переводах А.А. Ахматовой и А.Г. Наймана по следующему изданию: [Леопарди, 1989]. В нашем конкретном случае русские версии приводимых цитат не погрешают против смысла оригинала, который дается по изданию, подготовленному Ф. Гаваццени (см.: [Leopardi, 2018]).

² “L’armi, qua l’armi: io solo / Combatterò, procomberò sol io. / Dammi, o ciel, che sia foco / Agl’italici petti il sangue mio” [Leopardi, 2018, p. 97].

³ “In estranie contrade / Pugnano i tuoi figliuoli” [Leopardi, 2018, p. 97].

жены» [Леопарди, 1989, с. 22]¹. Закономерно, что в данном случае речь идет о другом историческом моменте – о русской кампании 1812 г. [Binni, 2014b, p. 44]. Однако тем ярче вырисовывается конфликт между древностью и современностью, лежащий в основе этого произведения. Леопарди для усиления трагического положения итальянцев и в качестве примера для подражания (отчасти даже *exemplum*²) вводит контрастирующий с нынешней ситуацией сюжет борьбы древних греков с персами, также по воле тирана Ксеркса пришедшими на «землю предков» итальянцев. В античном прошлом народ ставил защиту родины на первое место и в случае нападения на нее отдавался борьбе целиком. Таковы древние греки, мчавшиеся «за родину на смерть» [Леопарди, 1989, с. 23]², дабы отвоевать ее у тирана. «Героям-эллинам», в отличие от нынешних итальянцев, не оставалось ничего иного, кроме самозабвенного отстаивания своей свободы, которое навсегда останется в истории и будет служить наставлением для потомков.

Если в стихотворении «К Италии» героическое прошлое предков итальянцев воспевается и предлагается в качестве образца поведения, которому следует подражать, то в стихотворении «К памятнику Данте, воздвигнутому во Флоренции» еще радикальней выявляется проблема невозможности подражания им в современности. Уже в самом начале твердо и бесповоротно заявляется, что «наш итальянский ум / Бой древнему не даст оцепенению, / Коль обратиться к прежней отчей славе / Не сможет обреченная страна» [Леопарди, 1989, с. 26]³. По словам В. Бинни, в этом канто более явственно выдвигается противопоставление «древних времён, близких к природе и полных иллюзий, и современной эпохи, в которой преобладает голая правда и мелочный, холодный разум» [Binni, 2014a, p. 102].

Леопарди воспринимает создание памятника Данте как повод обратиться к нему как величайшему представителю итальянского народа, жизнь которого пришлась на другую эпоху – не столь ужасающую, как нынешняя. Строительство монумента есть в глазах лирического героя попытка явить «пример отцов и дедов» [Леопарди, 1989, с. 28]⁴ нынешним итальянцам. Лирический герой

¹ “Pugnan per altra terra itali acciari” [Leopardi, 2018, p. 98].

² “...a morte / Per la patria correa le genti a squadre” [Leopardi, 2018, p. 99].

³ “Non fien da’ lacci sciolte / Dell’antico sopor l’itale menti / S’ai patrii esempi della prisca etade / Questa terra fatal non si rivolga” [Leopardi, 2018, p. 107].

⁴ “Degli avi e de’ parenti” [Leopardi, 2018, p. 114].

не отказывается показать Данте, что случилось с его отечеством, захваченным тираном, к которому первый питает нестерпимую злобу:

Смолчать о всех ее врагах я б мог,
Но не о близком том, что всех зловредней,
Ибо на свой порог
Ступившим зрит отчизна день последний
[Леопарди, 1989, с. 29]¹.

Далее следует описание угнетения итальянского народа, которое в первую очередь заключалось в лишении его главных достоинств – искусства. Данте, по утверждению лирического героя, не видел:

Ни сёл и нив, познавших злобный норов
Грабителей и вражьего копья;
Ни див, в которых гений
Италии явил себя, влачимых
За Альпы в рабство злое; ни заторов
Повозок на путях в тот скорбный час;
Ни строгих и спесивых повелений;
Не слышал ты кошунств невыносимых
Свободы, зло осмеивавшей нас
Под лязг цепей и свист бичей. Томим
Кто не был мукой? Кто вел счёт страданиям?
Пред алтарём каким
Остановился враг – иль злодеяньем?
[Леопарди, 1989, с. 29]²

Ровно то же вызывает наибольшее возмущение у автора в «Речи по случаю освобождения Пичено», в которой он пишет, что «по вине Франции Италия уже потеряла часть своего великолепия.

¹ “Taccio gli altri nemici e l’altre doglie; / Ma non la più recente e la più fera, / Per cui presso alle soglie / Vide la patria tua l’ultima sera” [Leopardi, 2018, p. 116].

² “Non predar, non guastar cittadi e colti / L’asta inimica e il peregrin furore; / Non degl’itali ingegni / Tratte l’opre divine a miseranda / Schiavitute oltre l’alpe, e non de’ folti / Carri impedita la dolente via; / Non gli aspri cenni ed i superbi regni; / Non udisti gli oltraggi e la nefanda / Voce di libertà che ne schemia / Tra il suon delle catene e de’ flagelli. / Chi non si duol? che non soffrimmo? Intatto / Che lasciaron quei felli? / Qual tempio, quale altare o qual misfatto?” [Leopardi, 2018, p. 116–117].

Честолюбивый и трусливый, этот злополучный народ отнял у нас самые дорогие предметы нашей благопристойности и нашей невинной гордости: драгоценные произведения искусства. Италия издала жалостный вопль, когда увидела, что ее края утратили то, что составляло ее славу, что дворцы разграблены, храмы лишены самой неуловимой роскоши, которая вызывала восхищение Европы и на замену которой не хватит и целых столетий. Она видела длинные вереницы набитых ее добычей повозок, переправлявшихся через Альпы и предназначенных украсить чужие земли, пока алчущий Француз требовал новой добычи и новой поживы, дабы удовлетворить своё ненасытное брюхо... Что теперь представляют собой твои храмы, некогда предмет зависти народов?» [Leopardi, 1949, p. 1078]¹.

По сравнению с предыдущим стихотворением акцент ставится на гнусности современной эпохи, которая зовется лирическим героем «веком столь срамным» [Leopardi, 1989, с. 29]². Лирический герой негодует по поводу того, что современников и его самого судьба забросила в такое мерзкое время, когда отчизна предстала перед ними «служанкой и рабой» [Leopardi, 1989, с. 29]³ и им пришлось столкнуться с тем, что «помочь иль стать ей [родине] в гибельном уделе / Хоть утешеньем – запрещалось сыну»⁴ [Leopardi, 1989, с. 30]. Тираническое правление ограничивало итальянцев в самом дорогом деле. С сожалением лирический герой говорит о том, что «ни нашей крови ты, ни жизни / Не приняла, любимая»⁵ [Leopardi, 1989, с. 30]. Если в произведении «К Италии» лирический герой риторически был готов отдать свою жизнь по примеру древних, то в этот раз признаётся в том, что и он

¹ “Ma l’Italia per colpa della Francia ha già perduta una parte del suo splendore. Ambizioso e vile, quel popolo sciagurato ci ha rapiti i più cari oggetti della nostra compiacenza e del nostro innocente orgoglio: i preziosi monumenti delle arti. L’Italia gettò un grido di lamento quando vide le sue contrade spogliarsi di ciò che ne formava la gloria, saccheggiarsi i suoi palagi, i suoi tempj privarsi dei loro più vaghi ornamenti, che formavano l’ammirazione dell’Europa e che intieri secoli non valgono a rimpiazzare. Ella vide lunghe file di carri carichi delle sue spoglie recarsi a valicare le Alpi e ad abbellire terre straniere, mentre il Francese avido e sitibondo chiedeva nuove prede e nuova éscа alla sua insaziabile ingordigia... che sono ora i tuoi tempj, oggetto una volta della invidia delle nazioni?”

² “...perversi tempi” [Leopardi, 2018, p. 117].

³ “...ancella e schiava” [Leopardi, 2018, p. 118].

⁴ “...di null’aita / E di nullo conforto / Lo spietato dolor che la stracciava / Ammollir ne fu dato in parte alcuna” [Leopardi, 2018, p. 118].

⁵ “...non il sangue nostro e non la vita / Avesti...” [Leopardi, 2018, p. 118].

сам «не пал» за ее «жестокою судьбину»¹ [Леопарди, 1989, с. 30]. Ключевым моментом в отношениях народа и тиранической власти в тексте становится всё то же невозмутимое потакание деспотизму тирана, отправлявшего итальянцев на гибель ради своих интересов:

С тех пор нас гнев и сожаленья жгли:
Мы в битвах погибали, в бездну канув, –
За гибнущую ли
Италию? Нет, за своих тиранов
[Леопарди, 1989, с. 30]².

Дальнейшая разработка темы отношений итальянского народа и тиранической власти в контексте сравнения древней и новой эпохи достигает кульминации в стихотворении «К Анджело Май, когда он нашел рукопись Цицерона о республике» (*Ad Angelo Mai, quand'ebbe trovato i libri di Cicerone della Repubblica*). Если в двух проанализированных нами стихах приводятся примеры поведения древних, то в данном тексте сама современность превращается в пример, точнее – в *антипример*:

...для лет
Грядущих лишь презренья мы предмет
[Леопарди, 1989, с. 34]³.

Главное, что объединяет все эти тексты, может уместиться в следующую фразу из стихотворения «Победителю игры в мяч» (*A un vincitore nel pallone*): «Сегодня дорогая родина / Примеры древние для повторения готовит» (перевод наш. – Д. А.)⁴. Сама историческая ситуация у Леопарди требует того, чтобы древность получила право на существование, возрождение. Итальянцы же в силу изменившегося состояния человека вообще подражать примерам больше не в состоянии, поэтому тираническая власть реализуется в полной мере. Италия, родина великих героев, становится в раннем творчестве по-

¹ “...e morto / Io non son per la tua cruda fortuna” [Leopardi, 2018, p. 118].

² “Qui l’ira al cor, qui la pietade abbonda: / Pugnò, cadde gran parte anche di noi: / Ma per la moribonda / Italia no; per li tiranni suoi” [Leopardi, 2018, p. 118–119].

³ “...e di viltade / Siam fatti esempio alla futura etade” [Leopardi, 2018, p. 131–132].

⁴ “Oggi la patria cara / Gli antichi esempi a rinnovar prepara” [Leopardi, 2018, p. 163].

эта вдвойне несчастной: от бессилия своих сынов и от полноправия и вседозволенности властителя. В стихотворениях тирану удастся достичь всего того, чего он не мог добиться в «Речи по случаю освобождения Пичено». На этой коллизии строится весь конфликт народа и тиранической власти в поэтических текстах – на контрасте между древними подвигами и современной беспомощностью народа, связанной с общим ухудшением рода человеческого со времен золотого века.

Постепенно мы наблюдаем, как тема «народ и власть» исчерпывает себя в том ключе, в котором она разрабатывается в ранних стихах. Совершенно иной оборот принимает проблема власти и народного недовольства в стихотворении «Брут Младший» (*Bruto minore*). Социально-политическое измерение в нем отсутствует, берется лишь фигура тираноборца в качестве образа. И.К. Полуяхтова верно подмечает, что «новый герой Леопарди не тираноборец, подобно героям трагедий Альфьери; он богоборец, мятежник, бросающий вызов самому року» [Полуяхтова, 2003, с. 66–67]. Канто «Брут Младший» в творчестве Леопарди проводит известный рубеж между действительно злободневной политической лирикой и философскими стихами, в которых «борьбе» с тираном уже не отводится видного места, а преобладает «космический пессимизм», возникший от осознания всесильности природы-мачехи, ведущей свою собственную, никак не связанную с человечеством жизнь и не обращающей на него никакого внимания.

Между «Речью по случаю освобождения Пичено» и двумя вышеприведенными стихами («К Италии» и «К памятнику Данте, воздвигнутому во Флоренции») мы находим немало общего, если рассматривать их с точки зрения взаимоотношений народа и тиранической власти. Народными целями, по мнению Леопарди, во всех текстах являются единство итальянского государства и освобождение от тиранического господства Франции (в частности, от Наполеона). За трехлетний промежуток со времени написания «Речи по случаю освобождения Пичено» точка зрения автора видоизменилась, что выясняется при обращении к «Дневнику размышлений». Если в прозаическом тексте у рассказчика жила вера в возрождение Италии, то в стихах эта вера постепенно угасала. Смена взгляда на взаимоотношения народа и тиранической власти, произошедшая на пути от взятого нами прозаического произведения к поэтическим, можно выразить следующим образом: стремление, обнаруживаемое в «Речи по случаю освобождения Пичено», к тому, чтобы Италия не застала «возвращение Аппия

Клавдия без надежды увидеть воскресение Виргиния; Цинну без мстительной армии; Цезаря без Брута» [Леопарди, 1949, р. 1075]¹, было утрачено в стихотворениях «К Италии» и «К памятнику Данте, воздвигнутому во Флоренции», поскольку эпоха разума и эгоизма, изменивших сущность людей и уничтоживших иллюзии, предаваясь которым в прошлом они совершали подвиги и были готовы пожертвовать собой ради всеобщего блага, полностью вступила в свои права.

Список литературы

1. *Леопарди Дж.* Избранные произведения / сост. и вступ. ст. Н. Томашевского ; комм. Н. Томашевского и С. Ошерова. – Москва : Художественная литература, 1989. – 302 с.
2. *Леопарди Дж.* Нравственные очерки. Дневник размышлений. Мысли / общ. ред., сост. и вступ. ст. Е.Ю. Сапрыкиной. – Москва : Республика, 2000. – 448 с.
3. История литературы Италии. – Москва : ИМЛИ РАН, 2016. – Т. 4, кн. 1 : От классицизма к футуризму / отв. ред. Е.Ю. Сапрыкина. – 751 с.
4. *Полухтова И.К.* Жизнь и творчество Джакомо Леопарди / отв. ред. Фрязин Б.А. ; науч. совет «История мировой культуры». – Москва : Наука, 2003. – 397 с.
5. *Томашевский Н.Б.* «Монография души» Джакомо Леопарди // *Томашевский Н.Б.* Традиция и новизна : заметки о литературе Италии и Испании. – Москва : Художественная литература, 1981. – С. 141–156.
6. *Binni W.* Leopardi : scritti, 1964–1967. – Firenze : Il Ponte editore, 2014a. – 457 p.
7. *Binni W.* Leopardi : scritti, 1969–1997. – Firenze : Il Ponte editore, 2014b. – 307 p.
8. *Ieva S.* Amor di patria e misogallismo nel giovane Leopardi: l’Orazione in occasione della liberazione del Piceno tra esercizio retorico e tradizione letteraria // *Italies.* – 2002. – N 6. – P. 233–259.
9. *Leopardi G.* Canti / introd. di F. Gavazzeni ; note di F. Gavazzeni e M.M. Lombardi. – 10-a ed. – Milano : BUR, 2018. – 724 p. (Grandi classici BUR).
10. *Leopardi G.* Le poesie e le prose : pensieri, discorsi e saggi. – 3-a ed. – Milano : Arnoldo Mondadori editore, 1949. – Vol. 2. – 1266 p.
11. *Leopardi G.* Zibaldone di pensieri. – 5 ed. – Milano : Arnoldo Mondadori editore, 1957. – Vol. 1. – 1630 p ; vol. 2. – 1672 p.
12. *Luporini C.* Leopardi progressivo. Il pensiero di Leopardi. L’officina dello Zibaldone. Naufragio senza spettatore: L’infinito. – Roma : Editori Riuniti, 1996. – 148 p.
13. *Neuhouser F.* Rousseau’s theodicy of self-love: evil, rationality, and the drive for recognition. – New York : Oxford univ. press, 2013. – 292 p.

¹ “Ella avrebbe veduto tornare un Appio Claudio senza speranza di vedere risorgere un Virgino; un Cinna senza un esercito vendicatore; un Cesare senza un Bruto”.

«Oggi la patria cara gli antichi esempi a rinnovar prepara» : коллизия взаимоотношений народа и тиранической власти в раннем творчестве Дж. Leopardi

14. The new Cambridge modern history. – Cambridge ; London ; New York ; Melbourne : Cambridge univ. press, 1965. – Vol. 9 : War and peace in an age of upheaval, 1793–1830 / ed. by W. Crawley. – 762 p.
15. *Timpanaro S.* Classicismo e illuminismo nell'Ottocento italiano. Testo critico con aggiunta di saggi e annotazioni autografe / a cura di C. Pestelli. – Firenze : Le Lettere, 2011. – 662 p.